

Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя.

(По наблюденіямъ офицеровъ).

Военно-психологическій этюдъ.

сякій участвикъ сраженія, перенесшій дни, часы или минуты ожиданія боя, знаетъ по опыту, что это за состояніе. Но опредѣлить его, выяснить природу, передать словами свои переживанія, ясно и понятно, обычно не могутъ.

Никто изъ моихъ собесѣдниковъ, перенесшихъ состояніе ожиданія боя, не могъ дать полной психо-физиологической картины этого состоянія, несмотря на то, что между ними встрѣчались хорошо образованныя лица, привыкшія къ психологическому наблюденію.

На разспросы о томъ, что переживаютъ въ душѣ участники въ ожиданіи боя, говорятъ крайне неохотно и часто повторяютъ: «не знаю какъ, въ это время не до того».

Нужно имѣть терпѣніе и вести разспросъ по строго намѣченной программѣ изслѣдованія, чтобы у этихъ неохотливыхъ къ разсказу о душевномъ состояніи сумѣть добыть необходимыя данныя объ измѣненіи психики въ интересующее насъ время.

Для удобства читающихъ эти строки, я позволилъ себѣ объединить полученныя данныя отъ офицеровъ въ одинъ болѣе или ме-

нѣе связный рассказъ, сохраняя по возможности порядокъ и стиль рѣчи изслѣдуемыхъ.

По признанію изслѣдованныхъ мною офицеровъ, душевное состояніе со времени полученія приказа о выступленіи въ бой до активнаго въ немъ участія *самое тяжелое и неприятное*. Съ тяжестью этихъ часовъ не можетъ сравниться даже самый жаркій бой, гдѣ человѣку, хотя и тяжело, но онъ находится въ работѣ; онъ такъ или иначе дѣйствуетъ, а здѣсь на дунѣ тяжело и для облегченія — никакой работы. Чаще всего: «стой или сиди и жди».

Внѣшнее обнаруженіе ожиданія передъ боемъ не у всѣхъ одинаково. Существуетъ несомнѣнная разница у разныхъ лицъ.

Обыкновенно дѣло бывало такъ. Приказъ: «собраться и идти немедленно въ путь; занять то-то... Японцы близко».

Вы видите, какъ всѣ зашевелились. Всѣ начинаютъ рыться въ своихъ записныхъ книжкахъ, кошелькахъ, сумкахъ», вынимаютъ оттуда письма и читаютъ. Большею частью, бѣгло перечитывая, ихъ сжигаютъ. Начинаютъ передавать другъ другу кое-какія записки и словесныя просьбы: «въ случаѣ смерти отправить домой и извѣстить, что я вспоминалъ ихъ»... Многіе набожные вынимаютъ завѣтные иконки и, *истово крестясь*, цѣлуютъ и вѣшаютъ ихъ себѣ на грудь.

Всюду *суета* и всюду *волненіе*...

Самое завѣтное и необходимое исполнено. Одѣваются. Охорашиваются. По нѣскольку разъ подтягиваютъ рубашку и поправляютъ ремень. По нѣскольку разъ переодѣваютъ сапогъ и растягиваютъ портянку. Видимо, сапогъ и портянка жмутъ ногу *болѣе чувствительно*, чѣмъ это бываетъ въ обычное время.

Замѣчается какая-то *суетливость въ движеніяхъ* и отсутствіе спокойствія мирнаго времени. Обыкновенно при мирномъ положеніи при сборахъ и подобныхъ движеніяхъ слышатся разговоры, шутки, нерѣдко пѣсни, на лицахъ видны улыбки, движенія людей не такъ разбросаны и суетливы...

Тутъ же, при наличности многихъ движеній, большею частью *молчаніе*, сосредоточенность въ самомъ себѣ и *глубокая озабоченность*. Многіе бѣгутъ исправлять нужды... и даже *не по одному разу*... Почти всѣ спѣшатъ *напиться* и запастись необходимымъ количествомъ воды въ фляжку... Уложивши всю амуницію на свои плечи, встряхиваются и поворачиваютъ плечами, какъ будто она не такъ уложена. И вскорѣ опять встряхиваются.

Уже не одинъ разъ осматривается винтовка и разбирается затворъ... Не забывается и подсумокъ для патроновъ, къ которому рука спускается чаще, чѣмъ слѣдуетъ. Иные, стоя спокойно, курятъ папиросу... и только учащенные глотки дыма папиросы и глаза, устремленные куда-то вдаль, говорятъ, что эти курители не такъ спокойны внутренно, какъ кажутся наружно.

Но вотъ выступили въ путь. Какъ будто все очнулись... Все знаютъ, что дѣлаютъ... Идутъ впередъ чинно...

Тамъ невдалекѣ гремитъ артилерія... Раскаты ея, какъ громъ, доносятся до уха подходящихъ къ бою и поддерживаютъ все время мысль, что они идутъ на смерть... «Но лучше смерть, чѣмъ ожиданіе смерти». Все стремятся впередъ, желая скорѣе достигнуть цѣли и хотя какой-либо конецъ, но конецъ.

Вотъ еще нѣсколько сотъ шаговъ и начинается сфера артилерійскаго огня. Но тутъ вдругъ приказъ: «стоять и ждать».

Вотъ это состояніе—«стоять и ждать» въ ожиданіи боя—самое тяжелое изъ всѣхъ состояній на войнѣ.

Ждешь... ждешь... и нѣтъ приказа.

А извѣстно изъ жизненной практики, что если имѣется стремленіе послѣпить, то время кажется особенно длиннымъ.

Ждешь, ждешь и нѣтъ приказа...

Всѣ волнуются и рвутся въ бой... Просятъ идти впередъ, но имъ не даютъ.

Я, рассказывалъ офицеръ, мало того, что ходилъ взадъ и впередъ отъ волненія, я, кажется, *бѣгалъ и скакалъ...* Усидѣть на мѣстѣ нѣтъ силъ... А въ душѣ... *на сердце* такъ *щемитъ*, такъ *ноетъ*, какъ никогда...

Начнешь говорить и, *не докончивъ фразы*, перескочишь къ другому... Спрашивая товарища о чемъ-нибудь, не слышишь его отвѣта, а въ это время какъ бы *упиваешься своими мыслями*. И какъ только онъ окончитъ говорить, очнешься и спросишь: «а? ты что говорилъ?»

Въ это время *страшно хочется пить и пить...* Пить чай лучшее утѣшеніе въ эту минуту.

Я не могъ вытерпѣть и перенести этого состоянія. Я усиленно просился на какое-либо порученіе. И былъ очень радъ, когда получилъ разрѣшеніе отыскать походную кухню. Несмотря на весь рискъ ѣзды по открытому полю, гдѣ рвались снаряды, въ то время,

какъ въ ожиданіи мы лежали и стояли за закрытіемъ, я почувствовалъ себя значительно спокойнѣе.

Командиръ нашъ, полковникъ лѣтъ 50-ти, человекъ выдержанный и храбрый, въ это время стоялъ твердо, повидимому, совершенно спокойно и курилъ папиросу. Но по особому *напряженію мышицъ лица* видно было, что онъ употребляетъ большое усиліе для приданія себѣ видимаго спокойствія. Все же онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, стоялъ прямо и выдержанно и внѣшне ничѣмъ не обнаруживалъ своего волненія. Но, что его видимому спокойствію не соответствовало внутреннее душевное равновѣсіе, я узналъ, когда присмотрѣлся къ нему ближе, а главное, когда обратилъ вниманіе на его *рѣчи и поступки*.

Стоя, повидимому, спокойно, онъ вдругъ со злобой и горечью въ голосѣ сказалъ, ни къ кому въ частности не обращаясь: «лучше бы я остался въ Портъ-Артурѣ; все же ближе къ концу»... Сказалъ и замолкъ, стоя неподвижно и съ удвоенной силой втягивая дымъ папиросы и смотря вдаль на что-то неопредѣленное.

Вдругъ вблизи его ранило одного солдата. Солдатъ схватилъ себя за рану и закричалъ: «ой... раненъ». Командиръ повернулся къ нему и неожиданно для всѣхъ крикнулъ со злобой въ голосѣ: «не кричи, с . . . на». И опять замолкъ, какъ бы застылъ въ прежнемъ положеніи.

Ясно, что у полковника не было внутренняго спокойствія, кромѣ видимаго внѣшняго.

Внушаемость въ это время ко всякаго рода вѣстямъ, словамъ и поступкамъ другихъ, поразительна. Появляется какое-то легковѣріе къ вѣстямъ безъ должной критики. *Этотъ фактъ повышенной внушаемости и легковѣрія отмѣчаютъ все участники сраженій* и я скажу, что это такъ. Какая-либо вѣсть о побѣдѣ сразу поднимаетъ настроеніе, бодрость и силу. Вы видите веселыхъ, радостныхъ, бодрыхъ... И тутъ же другая вѣсть, самая неправдоподобная и ложная, о пораженіи повергаетъ въ уныніе всѣхъ солдатъ.

Духъ войскъ или иначе свойство бойцовъ быть энергичными, сильными, стремящимися къ побѣдѣ и желающими поборотъ всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія, не есть величина постоянная; вѣрнѣе, весьма неустойчивая, зависящая отъ многихъ причинъ, но главное и самое основное — *наличность въ бойцахъ внушаемости*.

Внушаемость играетъ первую и существенную роль въ неожиданныхъ подъемахъ и упадкахъ духа войскъ на войнѣ.

Войска въ походѣ и особенно въ періодахъ ожиданія весьма чувствительны и воспримчивы ко всякаго рода извѣстіямъ и преимущественно къ извѣстіямъ о предметъ ожиданій (успѣхъ или неуспѣхъ оружія).

Критика—высшее достояніе человѣческаго ума—слабѣетъ у усталыхъ и утомленныхъ походами и душевными переживаніями воиновъ. А весь умственный интересъ сосредоточивается на предметѣ ожидаемаго. Они съ жадностью поглощаютъ новости, получаемыя большею частью отъ пріѣзжающихъ офицеровъ и солдатъ. Къ этимъ извѣстіямъ относятся по-дѣтски, безъ критики, воспринимаютъ своимъ умомъ, какъ вполнѣ достовѣрное, и душевно настраиваются сообразно содержанию извѣстій.

Бросаются въ глаза, напримѣръ, слѣдующіе факты: получается изъ Россіи газета. Читаютъ: «Регулярныя японскія войска почти всѣ цѣликомъ взяты и свезены на материкъ. Идетъ наборъ стариковъ и подростковъ. Уже не рѣдкость среди регулярныхъ войскъ японцевъ встрѣтить резервныя войска малообученныя и неопытныя». И вы видите на лицахъ какое-то оживленіе, улыбку; нерѣдко слышите шутку и каламбуръ. Всѣ подтягиваются и шутятъ: «мы теперь разнесемъ; бояться нечего. Регулярныя войска всегда стоятъ выше резервныхъ». И, видимо, надежда на возможность успѣха оживила всѣхъ и подбодрила. Не стало грустныхъ и понурыхъ лицъ. Духъ войскъ былъ поднять газетной замѣткой.

Получаются новыя вѣсти: «Японская отборная, хорошо обученная кавалерія посажена на суда и отправляется на театръ военныхъ дѣйствій. Получены свѣдѣнія, что часть гвардіи уже благополучно переплыла воду и высадилась на сушу».

Вы наблюдаете эффектъ самый разительный обратнаго свойства съ предыдущимъ. Полное молчаніе. Всякій погруженъ въ себя, въ свои думы. По грустному вытянутому лицу, по понурой, опущенной головѣ, по медленнымъ и вялымъ движеніямъ, по капризности и злости другъ къ другу видно, что настроеніе измѣнилось въ непріятную сторону. Духъ войскъ упалъ.

Выступая въ походъ, такіе солдаты большею частью помалкиваютъ; идутъ нехотя и вяло и кажутся страшно утомленными и измученными. И вдругъ новыя извѣстія.

«Отрядъ Мищенко имѣлъ успѣхъ. Нѣсколько японцевъ убито; много ранено; есть взятыя въ плѣнъ; отбито оружіе и провіантъ»...

Взглянувъ на тѣхъ же солдатъ, вы ихъ не узнаете. Они сразу

преобразились. Головы горделиво подняты кверху; на лицѣ пробѣгаетъ улыбка; слышатся смѣхъ и разговоры. Высказываются надежды на успѣхъ русскихъ войскъ въ ближайшемъ будущемъ. Восхваляются геройскіе подвиги казаковъ; сыплются похвалы генералу Мищенко.

И вѣра въ успѣхъ русскаго оружія родилась вновь и наполнила радостной надеждой удрученныя сомнѣніемъ солдатскія сердца. Духъ войскъ снова возросъ.

Внушаемость поведеніемъ другихъ, какъ и внушаемость къ разнаго рода извѣстіямъ, повышена. При суетѣ окружающихъ лицъ невольно и самъ поддаешься тому же поведенію; при спокойствіи и выдержанности стараешься быть спокойнымъ и выдержаннымъ. Описанный выше командиръ полка, несмотря на свое внутреннее волненіе, что можно было установить на основаніи наблюденія за нимъ въ рѣчи, въ дыханіи, въ характерѣ куренія папироски, въ повышенной раздражительности и т. п., по свидѣтельству офицера, производилъ благопріятное вліяніе на окружающихъ въ смыслѣ сдержанности въ движеніяхъ и рѣчахъ. Я, офицеръ, говорилъ мой изслѣдуемый, смотря на него тоже подтягивалъ себя и желалъ казаться выдержаннымъ и невидимому спокойнымъ; почему же я не могу сдѣлать того же надъ самимъ собою? Невольно задаешь себѣ такой вопросъ и подтягиваешь себя, сдерживая невольные порывы. Его спокойствіе оказывало свое вліяніе и на другихъ окружающихъ.

Не разъ приходилось наблюдать, что и *военачальники* выше полкового командира не застрахованы отъ волненій, свойственныхъ періоду ожиданія боя.

По свидѣтельству участниковъ, они почти всѣ волнуются и только степень выдержанности бываетъ различна. Генераль одной бригады въ возрастѣ 48 лѣтъ всегда замѣтно волновался и это волненіе проявлялъ въ слѣдующемъ.

Передъ вступленіемъ въ сферу огня, когда не получено еще приказа о вступленіи въ бой, генераль *порывисто ходилъ* взадъ и впередъ; былъ всѣмъ недоволенъ; *кричалъ на встѣхъ за пустяки*. Ему *казалось, что время тянется безконечно долго*; что о немъ въ штабѣ чуть ли не забыли. *Теряя терпѣніе*, генераль посылалъ ординарца въ штабъ за справкой, а самъ продолжалъ нервно ходить взадъ и впередъ. Однако, и такъ ему казалось, что время идетъ очень медленно и всѣ запоздали. Часто онъ не вы-

держиваль: сѣдился на лошадь и ѣхалъ лично въ штабъ за предпріаніями.

Порывистость движеній и нетерпѣніе наблюдались всякій разъ.

Изъ приведеннаго обобщеннаго разсказа, составленнаго по наблюденіямъ офицеровъ, позволимъ сдѣлать выводы объ измѣненіи психики людей въ періодъ ожиданія сравнительно съ состояніемъ обычнымъ.

Душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя характеризуется опредѣленными психо-физиологическими симптомами—*со стороны психики*: ускореніемъ теченія мыслей, яркимъ воображеніемъ въ области ожидаемаго; вниманіемъ, какъ бы прикованнымъ къ области ожидаемыхъ явленій и ослабленнымъ ко всему другому; мысли сосредоточиваются на томъ, «что будетъ»; при болѣе или менѣе длительномъ переживаніи появляются сомнѣнія и неувѣренность въ предпринимаемыхъ рѣшеніяхъ. Появляется нетерпѣніе и кажется, что время тянется безконечно долго.

Способность запоминать слышанное и воспроизводить по своему желанію слабѣетъ; отмѣчается забывчивость.

Настроеніе, какъ доминирующее, тяжелое и томительное, но оно не отличается постоянствомъ; настроеніе легко можетъ мѣняться и изъ непріятно-томительнаго переходить въ весело-повышенное состояніе.

Заботы о себѣ, личные интересы начинаютъ преобладать надъ чувствами по отношенію къ другимъ лицамъ—товарищамъ; религіозныя чувства, судя по внѣшнему обрядовому выраженію, повышаются. Чувства долга и обязанности обнаруживаютъ склонность къ ослабленію.

Появляется повышенная «*внушаемость*» къ «слухамъ», словамъ, настроенію и поступкамъ окружающихъ лицъ, въ особенности лицъ начальствующихъ.

Речь—торопливая, поспѣшная, изрѣдка съ пропусками словъ; при волевыхъ усиліяхъ—сдержанная молчаливость. *Движенія* нетерпѣливы, поспѣшны и суетливы.

При работѣ, требующей легкости и координированія, движенія грубы, и пальцы рукъ являются какъ бы непослушными (завертываніе папирозъ). *Желанія* измѣнчивы, не обладаютъ постоянствомъ и твердостью и, какъ постоянное, чтобы «скорѣе случилось то, что будетъ».

Со стороны *внутреннихъ органовъ*: *субъективно*—испытываются ощущенія жара, нытья и томленія въ области сердца, тяжесть дыханія съ потребностью временами глубоко вздыхать; сухость во рту и глоткѣ, ложные учащенные позывы къ исполненію естественныхъ нуждъ; *объективно*—учащеніе пульса и дыханія выше нормы; жажда, а отсюда учащенное питье; ослабленный аппетитъ.

По приведенной психо-физиологической картинѣ *душевное состояніе воиновъ въ ожиданіи боя* есть состояніе *тревожнаго ожиданія*. Это состояніе испытываютъ всѣ воины въ ожиданіи боя, хотя степень выраженности его у разныхъ лицъ различна въ зависимости отъ многихъ условій.

Эмоція тревожнаго ожиданія есть душевное состояніе особаго порядка и она не должна быть смѣшиваема съ другой эмоціей *страха*, что въ нашей обыденной жизни часто бываетъ. Но въ пѣляхъ какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, этого смѣшенія не должно быть.

Характерной чертой психики въ періодѣ ожиданія боя является *повышенная внушаемость*.

При тревожномъ состояніи воиновъ, когда *мысли* ихъ вращаются въ области ожидаемыхъ явленій, когда *вниманіе* какъ бы фиксируется на этихъ событіяхъ, когда *настроеніе* неустойчивое, а *внушаемость* къ «извѣстіямъ», словамъ, настроенію и поведенію окружающихъ *рѣзко повышается*, при ослабленной критикѣ этихъ данныхъ, получается своеобразное психическое явленіе, а именно: индивидуальность каждаго воина какъ бы стирается и въ области ожидаемыхъ явленій они *реагируютъ въ одинаковомъ направленіи* и съ повышенной отзывчивостью. Отсюда, воины легко *объединяются психологически* (мыслью, чувствомъ и дѣйствіемъ), переходя въ состояніе, извѣстное въ психологіи массъ подъ именемъ «*психологической толпы*».

Д-ръ Т. Шумковъ.

